

О Д И Н О Ч К И

НИКИТА ЧИРКОВ

12+

Никита Владимирович Чирков

Одиночки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40147059

SelfPub; 2019

Аннотация

Маленькая группа одаренных людей, именуемых Одиночками, изучает последствия стройки межгалактического моста, начатой еще до их рождения, чертежи которого были присланы из глубин космоса неизвестно кем и без объяснения причин.

Вот уже с полчаса его взгляд направлен в пол. Раннее утро, еще не одетый, в темном помещении своей каюты, все его мысли сосредоточены на множестве вещей, не имеющих по отдельности смыслового веса, но при полной картине, при учете каждой этой мелочи он более чем ясно и четко осознает важность этих знаний и самой миссии. Некоторые скажут, что это жестоко, другие назовут его везунчиком, а сам он никогда не узнает обычной по нынешним меркам жизни – и все ради спасения человечества, которое уже давно должно было сгинуть. Его имя Томас, 28 лет. Природа, или, точнее сказать, ее наследие одарило его уровнем интеллекта, превышающим в разы чей-либо другой. Благодаря чему способности анализа и тактики превышают известные параметры и идеально вписываются в предстоящее событие.

Встав с кровати и подойдя почти вплотную к иллюминатору, что находится слева от ложа, он, словно по заведенной традиции, всматривается в безграничный открытый космос, проверяя наличие каждой звезды, убеждаясь, что ничто не изменилось. И это утро, как и все остальные, – единственное время за день, когда он позволяет себе такое занятие, как слепые мечты. Для той жизни, которой никогда не будет, придется избавиться от границ науки, забыть про все известные понятия из любого научного норматива и возможных гипотез, а главное – про ответственность, возложенную на него давно. И лишь с отсутствием всего этого и большего он

смог бы пуститься в бесконечность.

Драгоценные полчаса проходят. Звуковой сигнал разбавляет тишину, словно зарождая жизнь на станции «Гордость». Одевшись и умывшись, Томас разгоняет все мечты и фантазии до следующего утра, зная, что теперь он имеет право лишь на логику и научный подход. В коридоре уже слышны шаги и типичные утренние недовольные возгласы. Выйдя в широкий коридор, соединяющий другие каюты, Томас последовал за остальными людьми, коих было на «Гордости» 1320. Светло-серый оттенок всех поверхностей разбавлялся лишь разметками и яркими лампами в потолке. Среди толпы есть механики, программисты, врачи, картографы и многие другие представители необходимых профессий. Разумеется, все основные беды и прогресс этого века им известны, но вот природа именно его работы, насколько он знает, не общалась официально. И прийти к выводу, что им все равно, может даже человек без его способностей: ведь все знают, что стоит на кону, и риск слишком глуп, и уже поколениями воспитывается важнейшее понятие этого века – «делай лишь свое дело».

Из-за попутно увеличивающегося количества людей скорость передвижения немного снижается, позволяя спокойно обратить внимание на красные бегущие строки в стенах на метр выше головы, рассказывающие об основных новостях мира: конфликты, научные открытия, статистика выполнен-

ных работ и многое другое.

«Одиночки» – это название появилось вместе с командой Томаса. И не влияя отсутствие иных людей в жизни группы на психологию восприятия и развитие интеллекта, они бы так и существовали в изоляции, в отдельном блоке. Поскольку их работа требует чистого независимого ума, без погрешности на эмоциональную привязанность или влияние толпы, принцип нейтралитета без предвзятого отношения был одним из главных качеств. И все те люди, пусть и чужие им, но окружающие их каждое утро, придают то ощущение целостности с обществом и не дают забыть, зачем все это.

При данном уровне интеллектуальных возможностей вряд ли другие смогут действительно заинтересовать его, а интерес и большее любопытство всегда были ведущими для него в этой жизни. И вот, как по расписанию, каждое утро с правой развилки к нему подходит Норманн Фрон:

– Доброе утро.

– Оно не доброе, просто обычное, – легко ответил Томас.

– Всего лишь правила приличия, которые уже давно становятся сарказмом. Раньше так все делали: приветствовали друг друга, при расставании прощались. Изучали выбранную ими культуру, да и просто развивались в том, что интересно, – бодро рассказывал Норманн.

– Сентиментальность тебе к лицу, но спешу тебя обрадовать, друг мой, описанный тобой светский вид культурного общения и времяпрепровождения остался лишь в любии-

мых тобою художественных произведениях. И я даже не хочу знать, откуда ты их достаешь.

– Какой же ты ограниченный.

– Серьезно? – неожиданно спросил Томас, понимая сарказм Норманна.

– Знаешь, что обидно? Все так зациклены на работе, на цели спасения людей и поддержки оставшейся жизни, что, когда все наконец закончится и придет время обычной жизни, никто не будет знать, что такое культура общества, социум, свобода выбора. И что все будут делать тогда, разве все наши усилия стоят того? – рассуждая, словно мудрец, Норманн стал чуть серьезней.

– Научатся снова, – сразу ответил Томас, – и будут обязаны научиться на собственных ошибках, что будет впервые в истории человечества, иначе все, что мы делаем, окажется зря. Но я не думаю об этом.

– Почему?

– А это не моя работа. Когда придет время, поверь, нашего мнения никто не спросит.

Из обычного одностороннего коридора они перешли в большое помещение, где каждый, присоединившись к своей группе, направляется к определенному выходу из огромного атриума. Имея высоту 25 метров, он разделялся на три уровня, каждый из которых заполнен людьми. Сквозь все уровни, от потолка до пола по краям и посередине, проходят

цилиндрические трубки большого диаметра. Четыре слева и справа вдоль стен, и так же симметрично по центру, на уровне груди по всему диаметру, имеется углубление, в котором находятся пластиковые полупрозрачные контейнеры в виде квадратного стержня. Томас и Норманн взяли по одному контейнеру и закрепили на специальном креплении на поясе, являющемся частью костюма. Это каждодневная питательная капсула, единственный быстрый и цельный набор всех питательных веществ.

– Долго тормозить будете? – проходя мимо, обратилась к ним Мэнди, стройная невысокая девушка лет 27-28 с коротко стриженными черными волосами и ровными чертами лица. Одна из тех немногих, кто попал в группу к Томасу. Пройдя вперед уже несколько метров, Томас и Норманн последовали за ней, вербально поприветствовав ее в ответ и сообщив:

– Уже идем.

Оба направились в дальний правый проход. Здесь всегда на порядок меньше людей, что не могло не радовать Томаса, которого, как всегда, непринужденно вводили в безразличие как окружающие его люди, так и сам принцип жизни в «Гордости». Все по очень простой причине: серая и практически автоматизированная обыденность несла в себе, как не любил выражаться Томас, скуку. Среди стольких людей всем открыто было плевать друг на друга даже в нынешнем веке, где по логике вещей, которую явно немногие, к сожа-

лению, знали, стоило бы пользоваться и наслаждаться обществом друг друга до предела большего, чем обычно.

Все чаще он натывается на одну мысль, которую, возможно, лучше бы он не знал. Все эти люди, что бросили родных и дом, придерживаются философии спасителя, где нынешние правила, или, скорее, законы и отсутствие большинства составляющих такого понятия, как жизнь, окупятся сполна после выполнения поставленной миссии. И все по указаниям того, кого они никогда не видели и не увидят. Слепо веря, что все негодования и вынужденные недуги приведут к спасению любимых и всех остальных людей, сделав их героями с пониманием, что их жизнь не прошла зря. Кажется, что это более чем благородно и идеально вписывается в понятие «герой», которое имеет очень старые корни, если бы не одно «но»: они не знают, и эта истина открыта слишком маленькому проценту людей, половина из которых поняла это из догадок. Даже при условии идеального по всем пунктам исхода задачи Томаса, его команды и сотни других людей, о которой многие не осведомлены по определенным законам, ни эти герои, ни их дети и даже правнуки не увидят конечного результата из-за своего долга. Это билет в один конец, и понимание, что все эти люди живут несбыточной мечтой, никогда не умещалось у Томаса в голове.

– Она, как всегда, никого не ждет, – имея в виду Мэнди, утвердительно сказал Норманн, когда оба снова увидели ее

уже в лифте с прозрачными армированными стенами. Рядом было еще два таких же лифта, ведущих в зоны работы людей. В каждый лифт помещается пятьдесят человек.

– Она любит быть одна, – идя дальше, сказал Томас. – И в отличие от тебя ей не интересны социум и культура общества.

– Один из лучших специалистов по языкам не любит общаться, – с крупицей сарказма произнес Норманн. – Причем еще и девушка, это даже немного обидно.

– От нее это не требуется, во всяком случае, пока мы здесь.

– Ее работа – думать, а не говорить, но все же кроме нас у нее никого больше нет.

– Отсутствие привязанности во всех ее формах и проявлениях очень способствует выполнению нашей работы, и, учитывая ставки и риск, это более чем оправданно.

Оба встали у бокового окна в только что подъехавший очередной лифт. Сразу за ними вошли остальные люди, заполнив весь лифт меньше чем за полминуты. И как только двери закрылись, он плавно поехал вверх, мимо уровней жилых помещений. Окружающие звуки во время движения доказывали, насколько простые технологии недолговечны, но альтернатива пока недоступна. Лифт поднялся за пределы станции, и всем открылся вид бескрайнего космоса. Проехав вверх еще несколько минут, он на мгновение остановился и, прибавив скорость, отправился вдаль, к научной станции

«Неон» в 100 километрах от «Гордости».

– А я все думал, как скоро ты снова выполнишь квоту на день цитирования правил.

– Знаешь, о чем я... – начал Норманн, но Томас сразу перебил его:

– Заткнись и дай насладиться видом!

– Ты каждый день видишь все это, – с легкостью парировал Норманн.

– Вдруг сегодня последний. – Томас использовал любую возможность, чтобы насладиться видом звезд за краем Солнечной системы, где невооруженным глазом прекрасно виден Плутон и остальные карликовые планеты, чей вид всегда словно грел душу. Ведь достаточно одного дня, и больше эту Солнечную систему увидеть не доведется.

2

Если верить нынешнему летоисчислению, достоверность которого для многих очень сомнительна, то сейчас приблизительно 4330 год. Почти 2300 лет назад планета Земля погибла, оставив человечество без дома. Колонизация Марса была успешна 500 лет, после чего по уже давно забытым и никому не нужным причинам поселения поглотили анархия, хаос и геноцид, оставив новый дом в руинах и с непригодными условиями для жизни. И вот последние 1500 лет наследие человечества существует на орбитальных станциях, один миллиард человек разбросан по Солнечной системе на нескольких станциях, дрейфующих в космосе. Ресурсы,

что поддерживают техническое обеспечение, добываются из бесчисленного количества космического мусора, оставленного поколениями, что даже в космическом пространстве решали многие конфронтации силовыми методами. Питательные смеси и жидкость добываются не только благодаря примитивным, но эффективным фермам, но и благодаря системе переработки биологических организмов, которая многим может показаться как минимум неэтичной, но в ситуации, когда вымирание светит на горизонте, вполне оправданной.

Как бы человечество ни старалось, оно все ближе к концу, и многие, хоть и не открыто, но проклинают своих предков за сотворенное с породившей их планетой и за то, что им осталось сейчас вместо естественной жизни, – имитацию существования. Томас всегда придерживался того же мнения, пытаясь поставить себя на место тех, кто построил искусственную среду обитания там, где нет жизни. Все попытки сохранить людской род в любом случае вели к краху, пока 380 лет назад люди не получили сигнал. То, про что все забыли, кинуло спасательный круг в виде сообщения, пришедшего из Галактики М32, почти 2,5 миллиона световых лет от нас. Спустя 80 лет его смогут расшифровать, и все, что там было, – это чертежи немыслимого по масштабам сооружения: своего рода моста, который, если верить данным и предположениям, позволит пересечь непреодолимое для человека расстояние за пару лет. Но те, кто приняли этот

сигнал, найдя в нем сообщение, и те последующие, кто смог расшифровать его, не увидели другого мира из-за стройки, которая затянулась на 300 лет. Каждое поколение живет в надежде, что скоро все будет закончено и именно им удастся увидеть новый дом.

Что ждет по ту сторону, как давно это было отправлено и почему его смогли получить сейчас, а не раньше, враждебны ли намерения или это жест доброй воли – все эти вопросы и многие другие оставались без ответа. И именно для этого была создана группа «Одиночки», куда входили люди, способные приоткрыть завесу тайн. Специалисты, которые были отобраны с детства и обучены благодаря врожденным способностям, чьи аналитические возможности дают шанс приблизиться к истине. Томас является главным в группе, которая рассматривает тысячи цепей развития в поисках самых логичных исходов, ведь именно им предстоит первыми отправиться туда, если это случится до того, как они состарятся.

По идеально прямой горизонтальной направляющей лифт приближается к «Неону», созданному лишь благодаря шансу попасть в новый мир. Благодаря прозрачным стенам и потолку, даже при полном заполнении людьми ощущение безграничности не угасает, как и при отсутствии кого-либо в лифте. Хотел бы Томас оказаться один в данных условиях, когда лишь прозрачное сверхпрочное стекло отделяет его от

безжизненного простора, и почувствовать то, как бесконечность сдавливает своими масштабами, – но это неисполнимо. Ошибки предшественников научили, что наличие посторонних людей даже без общения улучшает восприимчивость и дает привязанность к человеческому виду, лишая многих развивающихся психологических отклонений от нормы при уединении от мира.

Чем «Неон» ближе, тем больше светлых точек прекрасных звезд он закрывает от глаз людей. Имеющий огромную высоту и еще большую ширину, он в виде вытянутого полумесяца расположен краями вглубь, а большей выпуклой частью – ко всем обозревателям. Двери шлюза открылись, лифт оказался внутри, и Томас до последнего наблюдал вид звезд и отдаленных планет, пока шлюз не сомкнулся вновь. Сразу после лифт поехал вперед уже быстрее, сделал три остановки, где на каждой вышла своя группа людей, вскоре оставив их с Норманном уже вдвоем. Теперь они поднимаются вверх, к своей остановке.

– Снова мы – шестерни большой машины, – с долей сарказма произнес Томас. И обратился сразу к Норманну: – Надеюсь, ты успел вчера закончить шансы срока выживания?

– Да, конечно. Но не могу избавиться от мысли, что мы топчемся на месте с этой цепью развития. Знаешь, такое чувство, когда даже после полного ее разбора есть сомнения, что чего-то не хватает: словно загадка, у которой есть второй ответ, – задумчиво говорил Норманн, все время глядя куда-то

в сторону и не получив комментария от Томаса.

Остановка, у двери встроенный сканер проверил вытатуированный восьмизначный код на правой щеке вдоль подбородка, который имеет каждый научный сотрудник для получения доступа в каждое разрешенное для него помещение на «Неоне». Сначала Томас, вслед за ним Норманн, и по пути через длинный коридор диалог продолжился.

– Я словно пытаюсь собрать кубик Рубика, который уже собран.

– Как будто мы делаем что-то другое, – понимающе ответил Томас, и они прошли через дверь в конце.

3

Маленький зал, имеющий посередине четыре экрана для вывода информации. С общим залом соединялись четыре кабинета, для каждого из Одиночек. Напротив – вход в кабинет Томаса, справа – Норманна, слева – два кабинета, Мэнди и Франклина.

Идя вперед, Норманн остановился у экранов рядом с Мэнди, обратив внимание на появившееся окно вверху изображения и без предупреждения оставив Томаса. Тот, в свою очередь, не отвлекаясь на Мэнди и Франклина, что был уже у себя в кабинете, сразу отправился к себе. Включился слабый свет с потолка, обнажив полупрозрачные пластины в метр шириной и высотой во всю стену. Все 22 шутки легко умещались в широком кабинете, их конструкция позволяет перемещаться в любую из четырех сторон благодаря магнит-

ным держателям на полу и потолке.

На небольшой полке справа от двери Томас взял наушники с маленьким микрофоном и перчатки, усеянные датчиками для управления пластинами. Встав в центре кабинета, где вокруг него находились пластины в шахматном порядке, щелкнул пальцами левой руки – и они словно ожили, загорелись, как гирлянда. Покрытые текстовым содержанием вместе с графиками, фотографиями, таблицами и формулами, все дополнено разного рода вычислениями. Все они отдавали серовато-синим оттенком, легко могли заменить стандартное освещение кабинета, но Томас никогда его не выключал. Каждый кабинет его команды обладает теми же функциями, только с несколько меньшим количеством пластин. Вся обработанная информация поступала к нему, и каждый ее элемент предстояло сложить в общую картину, тем самым создав цепь развития, которая в конечном итоге отправляется на рассмотрение высшему правлению и в хранилище. В надежде, что хоть одна из многих не только поможет быстро приспособиться и выжить в новом мире, но и дать уверенность правлению в том, что человечество будет готово ко всему.

Для Томаса это как музыка из знаний, где ему досталась роль дирижера, – и ему предстоит из крупиц собирать нечто большее, чем слова, в надежде приоткрыть завесу тайн, скрывающих то, что ждет их или других счастливых и несчастных, отправившихся через мост. Как ни странно ему

это осознавать, его ощущения очень близки к наркомании каждый раз при нахождении здесь и понимании, чего от него ждут и что он может.

Вторая пластина по правую руку мелькнула красным: значит, поступила информация. Томас вытянул к ней правую руку, растопырив пальцы, развернул ее и, сжав в кулак, потянул к себе почти бесшумно. Поступил вызов от Норманна:

– Шесть способов поддержать жизнь человеку на 200 лет. Ранее для нас это не было проблемой – даже предполагая уровень их прогресса, ожидания более чем обнадеживающие.

– Сложно поверить, что они не могут иметь подобных возможностей. Если отправившие сигнал еще живы, то это упрощает задачу. Но если они, как и мы, уже сменили целые поколения, то здесь встает другая погрешность. Мэнди? – спросил Томас.

– Вся во внимании.

– Как сильно изменится язык за 380 лет?

– У нас или у них?

Томас не ответил на этот вопрос.

– Фактически все зависит от продолжительности жизни одного поколения особей. Технологический прогресс не сильно изменит язык одного поколения и при длинном цикле существования лишь поможет последующему поколению освоить старый язык. Точнее говоря, он должен быть просто один и един для всех, как и их цивилизация.

– И каков худший вариант, будет ли иметь смысл использовать языковую таблицу?

– Если жизнь одного поколения субъекта не меньше 100 лет, это без учета каких-либо природных катаклизмов, военных или социально-политических конфликтов в их обществе. При любом варианте из этого процесса приходят изменения социально-интеллектуальных норм и правил и, разумеется, речи.

– Может, нам вообще тогда не лезть туда, вряд ли мы выживем, если там война? – подал голос Франклин, технический специалист, инженер и физик.

– Не отвлекайся от дел, – спокойно парировал Томас.

– Не важно на самом деле, живы те, кто отправил сигнал, или нет: гораздо важнее, правильно ли они поймут нас даже при приблизительной таблице, работа над которой завершена лишь наполовину, – заметила Мэнди.

– При их развитии будет странно, если они не учтут разность общения между существами во всей Вселенной, – добавил Норманн.

– Даже если и учли, то мы, как это ни странно, этого не знаем. Нельзя игнорировать любые события, способные изменить все, и нельзя отрицать, что человечество просто не развито. Мэнди, каково количество вариантов составления цельного предложения? – поинтересовался Томас

Он вытянул обе руки по сторонам и, сведя их вместе, объединил две пластины, увеличив размер полученного изоб-

ражения. Таблица во весь экран, каждый символ – составляющая часть общего, и при выборе любого из них, выходя на передний план, слегка затемняя все остальное, выделяется ответвление с множеством вероятных переводов относительно любого выбранного иного символа.

– Семь вариантов. Не более чем приблизительная догадка.

Томас одновременно просматривает шесть пластин, меняя их положение в нужный момент для удобства, осознавая и даже наслаждаясь тем, что очередная цепь развития создаст паутину вариаций. Ему всегда это нравилось – разбирать цепь за цепью, каждую секунду предвкушая внезапное озарение, способное изменить простой ответ. Зеленый цвет на одной из пластин справа – пододвинув ее, он через несколько секунд обратился ко всем:

– Итак, что и требовалось доказать: высшее правление отказывается от повторного отправления сигнала, используя последние образцы алфавита. Слишком велик шанс испортить и так необусловленные отношения.

– Не удивительно, что они боятся, но без попыток шансы понять и научиться их языку критично малы. Когда придет время, мы вряд ли сможем даже поздороваться, что очень неприлично, когда приходишь в гости. – Мэнди была немного раздражена, что вполне ожидаемо.

– Это решение еще кого-то удивляет, смысл было им это вообще отправлять? – спросил Норманн.

– Я люблю напоминать им, что мы существуем.

– Да уж, это напоминает попытки выйти на контакт с незнакомцем за звуконепроницаемой стеной, не зная, что он глухой и немой, – заметил Норманн.

– А ты еще не привык?

Томас выделил небольшой фрагмент текста и, сжав кулак, переместил его на другую пластину, словно держа в руке. Сопоставляя предыдущую теорию, разбитую на составляющие, с тем, что появилось сейчас, имеющиеся в архиве диаграммы развития речи и максимально доступную расшифровку сигнала, добавляя к этому построенный на теории жизненный цикл, перебирая эту мозаику в надежде найти общую цепь картины. Через несколько минут, объединив четыре пластины, он вывел на них развивающуюся и меняющуюся попутно цепь развития.

Так прошли первые шесть часов работы – без лишней болтовни или какого-либо отвлечения от процесса. Словно пытаясь собрать мозаику без краев, Томас позволил себе допустить мысль о том, что это все не имеет значения. И все нынешние исследования потеряют смысл в ту же секунду, как они попадут туда, и, даже при шансе на диалог они не считают людей равными. И при наличии меньшей военной силы люди примут то малое, что им дадут, – и это будет большим, что можно даже предположить.

К счастью, Томасу не приходится жестко контролировать такие отклонения общей философии работы: как-никак, они приносят больше пользы, чем вреда. И проходят без эмоци-

ональной составляющей, что всегда подбадривало его. Поставив в вычисление изменение языка относительно всех основных вариантов цикла жизни по человеческой истории той же категории, он вернулся к центру кабинета. Оставив последнее в процессе, который займет весьма долгое время.

4

Томас не смотрел на панели. Уставившись в пол, он, как обычно, настроился на определенную, но слишком большую идею и не отвлекался ни на что, лишь бы как можно конкретнее составить грядущую цепь развития.

– Франклин, достань чертежи тоннеля и проведи полный анализ на основе архивов конструкции и отдельно используемых материалов, рассчитай заново приблизительный уровень технологий и возможности создать передатчик нужной мощности для отправки обратно сигнала без нужного языкового набора.

– Ясно.

– Норманн, просмотри все, что есть из биологических теорий строения тел, в частности составь построение речевого органа, способного издавать полученный сигнал.

– Мэнди, мне потребуется твоя помощь, – обратился к ней Норманн, не задавая лишних вопросов, во всяком случае, вслух. Томас ценил это, ведь невозможно по кусочкам собирать концепцию общей идеи, если приходится объяснять смысл каждой части: когда вся цепь развития дойдет до своего апогея, он огласит ее. Он все стоит посередине, думая,

что концентрируется вместо отдыха, что было неправдой. Но разве это кого-то волновало, кроме него: в такие моменты идеология всегда была проста – он знает, что найдет выход в случае смятения или замешательства, как на эмоциональном, так и на интеллектуальном уровне. Сейчас ему приходится не просто разбирать теории на возможное и маловозможное, составляя все новые цепи развития. Нынешняя цель – собрать в единую корзину множество редких и маловозможных цепей развития и сложить немыслимую мозаику в надежде, что теории, прорабатываемые Норманном и Франклином, превратят все это в неопровержимый факт.

Придвинув к себе ближайшую пластину, он сбросил весь материал на одну из стоявших поодаль от него. Загрузил в чистом окне чертеж тоннеля и прогресс его создания в реальном времени, где характеристики и опись отдельных работающих частей заняли полностью одну из пластин. Томас наперед вспоминает возможности отдельных частей конструкции: как, например, то, что нет какого-либо алгоритма для взаимного общения, – лишь подающий импульс контрольный отклик, что тоннель работает. Даже абсолютная готовность отрицает возможность общения, что он считает глупым. Просматривая каждый пункт, он сам не знает, какого предположения боится больше: наткнуться на неожиданное открытие или, не увидев ничего нового, оставить все в категории неопределенности. Пластина слева по велению Томаса придвинулась ближе, и, открыв старую цепь по пред-

положению внешнего вида существ, способных физически на создание такого сооружения, он просмотрел последние изменения. Еще одна пластина, как солдатик, встала рядом – только для существ с интеллектом, которые не станут делать что-либо сами, а, более вероятно, создадут механизмы для этого занятия. Мысль о них на мгновение пробудила воспоминание о неудачных последствиях воплотить идею механизма замещения еще много веков назад на ныне мертвой планете.

Сложив руки на груди, он неподвижно изучает обе панели, словно пытаясь ухватиться за ниточку, способную дать приближенное к реальности представление о них. Пока остальные заняты частями большой цепи, он уже вскоре пытается найти опровержение тому, что нашел и вот-вот расскажет всем. Нет понятия «невозможно» – любое другое, но не это, и если опровержения не будет, даже малейшего намека на него, то, возможно, зря они строят этот тоннель.

5

Враждебны они или нет – вопрос, мучивший всех как в первые годы, так и сейчас. Разумеется, мудрецы и следовавшие за ними стали восклицать о добрых намерениях, подкрепляя это тем, что нет смысла покушаться на и так умирающий вид. Но вскоре после этого встал дугой вопрос: знают ли они, что человечество вымирает. Очередная причина для революций с обвинениями в халатности недостойных правителей, протестов против стройки и покушений на жизнь

высших представителей власти. И все время, что люди играли привычную для себя роль, ученые вдали от всего этого пытались найти ответ.

И нашли – то, что стало камнем преткновения в пользу стройки. Вначале диаметр тоннеля 1000 км, дальше идет плавное сужение до предельных 5 км. В отцентровке имеется капсула, находясь в которой живое существо погружается в стазис и сможет перенестись в точку назначения. И лишь она, капсула, способна пройти через тоннель в другую часть мира: ни армия, ни другие технические сооружения – всего лишь капсула с несколькими существами. Возможно, в будущем, когда тоннель будет достроен и запущен, человечество поймет, как изменить заданные параметры. Пока вывод прост: все это создавалось не для военных целей.

Немного устав, он развернулся спиной к пластинам и входу, перед этим изменив фильтр всей стены на прозрачный и тем самым открыв для себя вид стройки тоннеля, вокруг которого сотни кораблей, еле видимых по отношению к конструкции, словно муравьи, строящие свой муравейник. Сорок колец, каждое меньшего диаметра, чем предыдущее, между собой они соединены стержнями по всему контуру. Слева и справа видны края «Неона», которые словно пытаются охватить тоннель. Как же давно он испытывал искренний восторг и поражение, почувствовав, как границы представления меркнут при этом виде! Как и в первый раз, оторвать взгляд сложно, но только теперь это не будоражит фан-

тазию, заставляя мозг работать вдвое быстрее, а лишь напоминает, что, если бы не тоннель, никаких Одиночек не существовало бы.

За спиной Томаса прозвучал мгновенный звук – входящие данные на одну из пластин. Он не повернулся, даже не отвел взгляда от вида перед собой и без предположения, кто ответит, спросил:

– Сделали?

– Только что отправил, – ответил Норманн.

– Франклин? – все в том же положении спросил Томас.

– Еще несколько минут.

Томас молча развернулся и, объединив две пластины на правой стороне, позволил полученным данным от Норманна развернуться в большем масштабе. Множество подгрупп, за каждой из которых скрывается прототип голосового органа существа, и при открытии справа – полная характеристика, от возможных параметров остального тела до также возможных отдельных органов, могущих повлиять на речевую функцию. Проверить вживую то или иное строение, отгалкиваясь лишь от теорий, невозможно. Рассматривая полученные данные, Томас старается не принимать фактор риска, дабы не относиться ко всему этому предвзято. И причина тому – то, что, как только Франклин прислал ему законченные исследования, сдвинув еще две панели, Томас, даже не всматриваясь в теоретическое описание и чертежи, уже принял свою цепь развития как более вероятную.

– Срок жизни живых объектов – одна из самых рассматриваемых теорий, которая влияет на сотни цепей развития. Шкала изменений всегда идет вплотную с циклом существования. Но вот в чем вопрос: почему они не хотят общаться, что же такое им мешает – или мешает нам? Технология есть, ресурсы тоже – почему полное молчание? – Небольшая пауза. Отчет Франклина показывает огромный потенциал технологии туннеля, возможность составить передатчик для общения равна 87 процентам, и уже его мощности и способа отправки было бы теоретически достаточно, чтобы послать ответ без десятилетней задержки в пути.

– Разве не было заявлено, что использовать туннель по-другому не получится? – спросил Норманн.

– Ты действительно веришь официальным заявлениям? – отозвалась Мэнди.

– Они боятся, – сразу отсекал дальнейшие вопросы Томас. – Наше неведомое для нас руководство знает про эту возможность, но слишком боится все испортить. Получив сигнал, долго гадали, что в нем – приветствие или приказ о капитуляции. Однако обнаружили чертежи, причем спустя десятилетия, сопоставляя каждую миллисекунду. Но только мало кто задумывался, что нет косвенных доказательств того, что руку помощи нам протягивает живое существо. Да – сигнал, да – доказательство разума, но мы их не видели и общения между нами не было. Сигнал лишь доказывает разум, а не природные языковые функции. И так же вероятно, как и об-

ратное тому, что нет смысла составлять языковую таблицу. Простая шифровка так и просится на раскрытие.

Томас замолчал и снова взглянул на тоннель. Никто ничего не говорил – все думали, по привычке искали лазейки, любой изъязн для опровержения цепи развития. Томас ничего не утаил, сказал все – и тишина немного радовала его.

– Но есть шанс, что этот сигнал – это их речь, и они словно крикнули в микрофон к звездам, и все. Конечно, проще зашифровать, упростить для тех, кто ниже их, – Мэнди начала первой.

– Если они отправили его, то должны понимать природную разницу как в восприятии мира, так и в фундаментальном развитии. Они уже пошли на риск, и я думаю, всем понятно: человечество по природе – хищники, именно поэтому капсула не впустит больше четырех человек. Это страховка – если, конечно, нет формы жизни, не развившейся в войне, – сказал Франклин.

– Они не знают, – сразу заговорил Томас. – Доказать, что этот сигнал пришел лишь нам и целенаправленно, невозможно. Человечеству могло просто повезти, на личности они не переходят – старая цепь. Больше смахивает на разведку Вселенной: отправляют во все стороны и следят, что будет. Но вот в чем вопрос: что, если там нет разумных существ, каковы шансы, что не только человечество придумало искусственный интеллект? Судя по всему последнему, что вы мне прислали, лично я не вижу доказательства обратного. Все са-

мое простое всегда перед нами. Они смогли его создать по неизвестной и никому не интересной причине, ИИ остался один, с помощью диктата или причуд жизни – неважно. И для него в порядке вещей придумать идеальную открытку, неподвластную времени и понятную всем, кто имеет разум и технологический уровень, позволяющий принять этот сигнал. Ради любопытства или дружбы узнать, что и кто еще существует в безграничности, – пример идеальной логики и математики. Для страховки в капсулу помещается лишь четыре существа. Нет армий – нет и конфликтов. Что делает любой разум, когда он один? Ищет себе подобных.

Все безмолвно слушали, пока Томас рассказывал очередную цепь развития, доказывающую, что все это – ошибка. И спустя несколько минут после окончания он вбил команду записи всех данных для составления цельного отчета данной цепи и отправки в архив и на рассмотрение высших чинов.

– Будет забавно, если именно это окажется правдой. Вся моя работа потеряет смысл, – небольшой сарказм в словах Мэнди спровоцировал Норманна.

– Я думаю, это волнует лишь тебя, дорогая моя, для многих это больше чем работа, – немного строго прозвучало от Норманна.

– Для всех нас это лишь работа. Поставлена задача – изучать, а не решать судьбу людей, понять мотивацию и мышление внеземных существ, а не переживать за состояние человечества.

И это было правдой, думал Томас, как, в принципе, и все. Задача Одиночек проста: предположить и разложить максимально рациональную теорию, дабы быть готовыми к тому, что ждет там людей. Без эмоций, без приоритетов – лишь чистая теория. Никто ни разу не поддавался порыву эмоций, не использовал очередную цепь как причину для паники или протеста, все открытия питались лишь любопытством. Желание приоткрыть завесу величайшей тайны – и никто бы не был обязан найти остаткам человечества, разрушившим свой дом, новую девственную землю для заселения. Лишь щекочущее желание узнать, что и кто там и чего они хотят. Что бы кто ни говорил, как бы ни клялся и ни доказывал обратное, Томас знал всегда: всем им плевать на людей. И создание сегодня новой цепи развития ничего не меняет: обычный день, ради которого они встают утром. И никто даже при самом ярком желании не остановит стройку тоннеля. Томас смотрит на конструкцию и, ставя себя на место тех, кто стоит во главе нынешней цивилизации, задает вопрос, на который уже есть ответ: «Смог бы я остановить стройку?»

6

Мнения высшего правления никогда не было, как и вопросов, критики и идей. И вот, как всегда, неважно, насколько Одиночки могли подобраться к истине: им не видать похвалы или признания их труда, и они не получают большего, чем любой другой работник. И это – то самое, что никогда никого не волновало. Как только все формальности были вы-

полнены, Томас дал время на небольшой отдых – 100 минут, чтобы немного отвлечься от последнего. Психология проста, и он легко использовал знания для большего стимула. В частности, меньшее сосредоточение на конкретной мысли или идее позволяет легче понять, что лишнее, а чему стоит уделить большее внимание.

100 минут: пользуясь меньшим значением, чем час, легче было определить свободное время для личных действий. Томас и Мэнди, как заведено, играли в шахматы, Норманн решил потратить время на сон, Франклин любил заниматься виртуальной сборкой ремонтных дронов, пластин и всей доступной техники. Благодаря этому Франклин всегда мыслит более абстрактно – и именно сейчас, до окончания перерыва, он открыл общую схему тоннеля вместе с архивом. Ведомый еле уловимой мыслью, он просматривает их, все больше углубляясь в строение, до самых винтиков. Пока не находит то, что искал, и к этому времени все остальные как раз принимаются за работу, что позволило ему сразу выдать очередное откровение.

Получив сигнал, Томас, как и остальные, открыл полученный чертеж тоннеля – там был лишь дальний его конец.

– Мы знаем, что пройти через тоннель может лишь небольшая капсула, изначально являющаяся частью всей конструкции. Так вот, острие тоннеля имеет многослойную конструкцию и сложную систему сцепления, и в чистой теории оно может расширяться, увеличивать свой диаметр по

принципу веера, – голос Франклина был немного возбужден, но уверенность никуда не пропала.

– И как же такое могли проглядеть лучшие инженеры – они тоже все разбирали по винтику? – активно начал Норманн.

– Смотрите сами: выделенные мною красные зоны словно вкручены в центр, как пружина. Если рассматривать каждый слой, то видна общая цепь крепления.

– Хитрость, которую следовало предвидеть. Интересно вот что: можем ли мы расширить проход без потери эффективности – или это дано лишь им, если не наоборот. Франклин, составь весь процесс изменения конструкции со всеми параметрами каждого состояния тоннеля. Отправим их на рассмотрение с отдельной маркировкой, – быстро сказал Томас, открыв архивы Солнечной системы.

– Такое могли проигнорировать? – спросила Мэнди.

– Это доказательство того, что нам известно меньше, чем тем, кто стоит выше нас, – влез Норманн.

– Могли просто пропустить, и что из этого хуже – неизвестно. Но ранее про это нигде не указано, во всяком случае, если были соблюдены параметры записи. А если это все же было сокрыто, то напомним им об этом, – проявляя уверенность, сказал Томас. Никакой паники или страха, во всяком случае, явных. Он всегда контролирует это – как по должностным обязанностям, так и из любопытства реакции.

Такое бывает: вскрывается факт, ведущий по логике к

незамедлительным изменениям. Если это не голая теория, то для такого действуют строгие порядки и правила. И сейчас все соблюдено, и в ту же секунду, как Франклин закончит полный анализ, все будет отправлено выше по статусу, с определенными пометками для определенных людей. Что будет потом, решать не ему. Чувствует ли Томас или кто-то другой из них ответственность за информацию – да. Их задача – предупредить, разложить и показать, а дальнейшие решения, если таковые будут вообще, – не их забота. И поиски справедливости – не их задача.

7

– Норманн, используя архивы, проверь всю структурную таблицу планет нашей Солнечной системы для выявления вероятных веществ, которые могут быть целью инопланетян.

– Все ценное мы уже знаем – и, кстати, очень быстро исчерпываем эти ресурсы, что неудивительно. Для жизни тут скоро ничего ценного не будет, – немного легкомысленно прозвучало от Норманна.

– Это для известной нам жизни. Франклин поможет тебе. Отталкивайтесь от конструкции тоннеля, есть ли возможная замена материала для стройки. Добыча ресурсов всегда была в приоритете каких-либо колоний, и представим для ориентировки, что люди – лишь средство.

– Мне одному кажется, что мы роем сами себе могилу, строя этот тоннель? – поинтересовался Франклин.

– А это не имеет значения, человечество выбирало мень-

шее из двух зол. И хватит отвлекаться по мелочам, – строго произнес Томас.

Конечно, попытки не умирать в невесомости были. Но история и человеческий фактор сами сыграли против себя, и множество начатых программ по расселению и освоению в конечном итоге закончились полной потерей взаимопонимания, что оставило бессчетное количество людей далеко среди звезд, на космических станциях, орбитальных базах и небольших планетарных аванпостах, где жизнь была возможна в той или иной мере. Судьбы этих первооткрывателей потеряны в веках. Последнее, что было предпринято, – созданный людьми корабль для сотен себе подобных, имеющий автономную систему, и сменяющийся персонал для корректировки, отправленный к ближайшей Солнечной системе. К планете для потомков. За 80 лет до получения сигнала. Но возможно ли доверить многочисленные жизни тем, кто вследствие навязанных условий не справляется с обязанностями? Практика показала, что нет. Космический ковчег «Фёбос» отклонился от курса по вине человеческого фактора. Одинокий и, вероятно, мертвый, затерявшийся среди звезд и потерянный из вида и памяти большинства людей. «Стоило ли это того?» – думал Томас, вспоминая все ошибки и достижения человечества, по большей части для успокоения собственной неуверенности в том, что человечество заслужило этот тоннель.

Прошло четыре часа. Томас снова разглядывал тоннель, огромный и не сразу усваивающийся разумом человека как реально существующая конструкция. Он любил представлять, как отправляется сквозь него, оказываясь в месте, где еще не было людей. Где любой закон физики, как и любой науки, может потеряться в восприятии, делая человечество самым ничтожным видом разума. Что же откроется глазу: невероятные конструкции, или немислимые формы жизни, или же все будет не лучше, чем здесь, – бедные поселения, пытающиеся выжить?

«Почему все так сложно?» – задавая себе вопрос, полученный от доказательств наличия простоты, Томас хотел понять лишь то, почему он не понял этого раньше. И сейчас даже самая вероятная цепь развития не оправдывала его ожидания. Глава отдела теорий готов признать обвинение в глупости, выдвинутое им же.

– Создал две версии, с погрешностью на еще живое состояние планеты Земля и без нее. Все-таки мы точно не знаем, когда было отправлено нам это послание. Возможно, именно Земля была их целью. Скинул тебе, – сообщил Норманн.

Осознание этого стало интеллектуальным открытием, заставившим Томаса действовать иначе, чем привычно собирать по крупицам возможную истину. Теперь он понял, что пора менять представление обо всем этом. То, что предстояло понять его команде, – простое понятие, объяснимое лишь сложными словами.

– Остановите свои процессы. На время, – сказал он и через минуту ожидания смело начал монолог. – Любое живое существо с планеты Земля – порождение соперничества, где побеждает лишь сильнейший, приспособляемый, повинующийся фундаментальным инстинктам выживания. Гены, воплощенные в инстинктах и разуме, всегда сопровождались частичкой борьбы. Взгляд хищника всегда видит другого хищника или жертву. При наличии интеллекта жизнь человечества всегда была наполнена всеми видами вражды, от словесных конфликтов до мировых войн. Это занятие сродни нужде воздуха для легких, на нем построена вся наука эволюции. И при встрече с неизвестным, не важно, человек это или животное, действует страх, который провоцирует типичный конфликт. Но жизнь эта – лишь в этой Солнечной системе, лишь в одной точке среди миллиардов звезд. И мы всегда считали это естественным явлением, фундаментом любой жизни.

– Все на свете будут против даже представления об этом, не говоря уже про поиски доказательств. А они будут лишь при выявлении и полном обследовании иной жизни, – Норманн не был взволнован, скорее, своим утверждением он пытался поддержать Томаса.

– Ты прав, но все, что мы знаем про жизнь как таковую, основано лишь на том, что существует здесь. Стоит просто заглянуть за шаблоны человеческого и животного развития, допустить принцип жизни лишь как один из вариант выжи-

вания, а не всемирный закон существования всего на свете.

– Вероятность этой правоты никому не известна, да и не важна, ведь фактом является то, что никто из тех, кто выше нас, не поставит и гроша на эту теорию, – Франклин был спокоен, но тверд.

– Что первое приходит в голову при встрече неизвестного, – продолжил Томас, игнорируя слова Франклина, – враждебно или не враждебно, и, следуя этому зову, прогресс вооружения опережал любую отрасль науки. Все войны и конфликты питались страхом и злостью, прикрытыми моралью и высшими мотивами. Но в итоге приносило все это лишь страдание вместо созидания. И даже после смерти Земли, вместо того чтобы использовать знания, полученные из сообщения, люди не стали улучшать свою жизнь. Мы, повинувшись, стали строить тоннель, вконец исчерпывая все ресурсы, что имеем, лишая себя возможности даже построить ковчег, чтобы спасти хоть кого-то. И сразу за этим – производство нового вооружения. Слепая природа остается таковой даже при разуме. Но что если в итоге им не нужны люди, не нужны ресурсы, – простое исследование территорий безграничности? Отправив сигнал, они ждут, когда тот, кто его примет и поймет, построит тоннель. Дальше они приходят – и строят еще один.

– Зачем? – спросила Мэнди.

– В поисках границ бесконечности, например. Парадоксально, но, освоив всю технику и имея способ сохранения

жизни веками, ничего не остается, кроме исследования и изучения. Только на том уровне, который мы не можем даже представить.

– Конфликтность не может помешать этому плану. Я бы даже сказала, что это нелишняя защита от тех, кто может или лишь умеет проявлять силу, – заметила Мэнди.

– Возможно, и звучит правильно. Но, следуя этому, они лишь будут отвечать агрессией на агрессию. И следует второе: зачем нападать нам, кроме как ради личной высокомерной выгоды? – объяснил Томас.

– Ну, от того, что мы будем предполагать вторжение, хуже не будет. Так у нас будет чем ответить при отрицательном варианте, и, зная все тонкости природной принадлежности человека, заставить правление отказаться от вооружения абсолютно невыполнимо. А шансы на отсутствие природной конфликтности равны шансам на ее наличие, и пока нам известна лишь одна сторона медали, – Норманн говорил быстро.

– Ты абсолютно прав, но человечество всегда повторяло ошибки. Сложно представить нашу жизнь без этого. И вот Земля погибла, остался лишь космос. Словно скитальцы, потерявшие дом, они пытаются симитировать жизнь, достойную нашего рода, а в итоге это все не более чем эволюционная деградация, – Томас произносил это без разочарования и презрения, хотя ему казалось, что это было не так. Жестко, но честно – философия, которую он ставил в приоритет

в такие моменты, – и сейчас ему, как и всем, нужно было время подумать.

Найти каждому свое отрицание всех последних слов Томаса как признак того, что их жизнь и многих других – не ошибка. Что давно проповедовали философы и разного рода гении, человечество, словно вирус, уничтожило на своей планете все, что тысячелетиями существовало в гармонии. Все личностные убеждения на этот счет – не провокация апатии, а профессиональный прием, профилактика полного представления картины с совершенно разных углов. Все ради того, чтобы ничто не могло пошатнуть рациональное сознание, определяющее все степени возможности.

Он знает своих людей и психологию, что движет ими. И без таких вещей, без крупицы доказательств для самого себя цепь развития изменила бы личную философию, превратив конструктивное сознание в слепую веру. Но только ему это не нужно: все его мысли не о людях, не об эволюции или смысле существования, и даже близко не о тоннеле и возможных цепях развития. Как это непривычно и даже неестественно ему принимать, но он искренне хочет, чтобы именно эта цепь стала явью. Такое бывает редко, чтобы очередная цепь заняла свою нишу с принципами его работы и отношением к будущему всего этого.

8

– Руководителя отдела Томаса Райта и трех научных работников – Норманна Фрона, Мэнди Лин и Франклина Сми-

та – просим незамедлительно попасть в лифт и использовать код 2304. Все доступные средства связи и любые виды контактов с другими людьми строго запрещены, – строгий, но спокойный и ровный голос прозвучал в динамиках всех кабинетов, после чего через несколько секунд все спокойно вышли в общий зал. Томас сразу направился к лифту, остальные пошли за ним, переглянувшись друг с другом.

– Ну, либо нам дадут награду, либо нас ждет выговор, – сказал негромко Норманн, идущий третьим.

Ожидаемый им ответ прозвучал от Мэнди:

– А ты мечтатель, вот увидишь, тема будет одна – работа.

Они вошли в лифт, Томас ввел комбинацию в панели, и плавное движение вверх никого не удивило.

– Знаю, у нас приказ явиться наверх, но мне интересно: кто-нибудь знает причину этого вызова? А то ведь такое в первый раз, обычно нам письма присылают, – Франклин огласил то, о чем думали все, кроме Томаса. С минуту никто ничего не отвечал, но Мэнди решилась сделать предположение, в которое очень верила, как заметил Томас:

– Никто не знает их лично, и, кроме как для выдачи новой информации о тоннеле или чем-то действительно стоящем, нам нет смысла знакомиться, – без доли сомнений сказала она, посмотрев на Томаса, стоявшего справа спиной к стене и ожидая от него реакции. Он так же встретил ее взглядом и решил в корне пресечь догадки и споры, проявляя лидерские качества:

– Нет смысла гадать, нам все расскажут через несколько минут. Не забивайте голову тем, что не имеет смысла.

Следующие несколько минут никто ничего не говорил, каждый про себя гадал, чем может быть вызвана эта встреча. Сколько людей было в высшем правлении, кто они, кем были избраны и стоит ли кто-нибудь еще за ними – вопросы, покрытые тайной, и причина тянулась из далекого прошлого. Покушения, революции, анархия – все это привело к строгим правилам, к тому, что понятие открытого представления власти исчерпало себя, уйдя из поля зрения. И просто управляя всем, то пряником, то чаще кнутом (и Томас разделял это мнение), нельзя выжить без порядка, пусть даже немного деспотичного. Лифт движется дольше, чем все ожидали, и Мэнди нарушает эту напряженную тишину:

– Ты знаешь того, кто говорил? – спокойно обратилась она к Томасу, который без движения, держа руки за спиной, смотрел под потолок.

– Голос незнакомый, так что не могу быть уверен.

Лифт приехал, и, пройдя недлинный коридор, они оказались в большом помещении, посередине которого стоит человек – высокий, около 40 лет, с короткими седыми волосами и густой бородой, на глазах тонкие очки.

– Меня зовут Константин, – встретил он их словами. – Прошу, садитесь. – И указал рукой на четыре кресла перед ними.

Легкое освещение не сразу дало разглядеть огромный

экран за спиной Константина. Но Томас не был взволнован или растерян: терпение профессионального уровня позволяет без спешки реагировать на любые обращения в его или чью-либо сторону из его команды. Слева от него сидел Норманн, справа – Мэнди, потом Франклин. Константин дал небольшое время, требуемое каждому для осознания происходящего.

– В те далекие годы, когда стройка тоннеля только началась, мнение о принципе его непосредственного запуска сильно разнилось. Без конкретных данных на этот счет было принято решение оставить этот вопрос до времени, когда это станет актуально. Кто-то утверждал, что стоит закрутить последний винтик – и путь откроется, некоторые верили, что мы просто неспособны еще понять принцип действия. Они тогда еще не знали, что он не искажает пространство и время, не меняет молекулярный состав для упрощения путешествия. Название «тоннель» имеет основание быть, капсула отправляется сквозь космос со скоростью большей чем свет, предположительно, по нашим подсчетам, и на другом конце есть еще одна такая же конструкция – для приема гостей. А как известно, никто не любит незваных гостей.

Речь Константина была четко выработанной, без запинок, без пауз для осмысления произносимых слов. Все эти слова были небольшой прелюдией, вступлением для определения темы.

– Через сколько? – спокойно спросил Томас.

Константин, почти все время держащий руки за спиной, поднял правую до уровня головы и нажал на маленький пульт, превратив свою фигуру лишь в тень на фоне большой панели, занимающей всю ширину комнаты, которая ныне показывала на две трети ширины электронный таймер с белыми цифрами на темно-оранжевом поле, пронизанном мелкой сеткой. Слева виднелась Солнечная система и разные параметры, справа – тоннель во всех проекциях. Семь часов, тридцать девять минут и восемнадцать секунд – обратный отсчет того, что уже не требовало объяснения. Словно мотыльки, все подошли на пару шагов к свету, свыкаясь с мыслью, что на их жизнь пала та ноша, которая уже не в теории, а в практике либо спасет человечество, либо приведет его к окончательной гибели. Стал ли этот факт переменной в понимании и восприятии работы Одиночек, Томас не знал. Сохранят ли они свою профессиональность, или восприятие личного будущего теперь имеет совсем другой подтекст – вопросы, которые раньше имели значение, теперь стали погрешностью на фоне грядущего.

– Сколько уже идет этот отсчет? – Франклин подошел чуть ближе к стоявшему все так же беспристрастно Константину.

– Два года и один месяц, – сразу прозвучал ответ.

Франклин сразу сел обратно, закрыв лицо ладонями, как и все, принимая данный факт не с первой секунды. Норманн обхватил голову руками и, развернувшись, стал наворачивать

вать круги. Мэнди, держа руки в карманах, просто смотрит в пустоту. Не собираясь никого утешать или вдохновлять, Томас, как и подобает всем, подошел к Константину.

– Сколько времени будет активен тоннель? – с этим вопросом все, не меняя положения тела, взглянули на Томаса и Константина, ожидая ответ.

– Мы не знаем. Этот таймер, – он указал на него, – лишь наше привычное представление о той обратной последовательности, что появилась на всех мониторах управления тоннелем.

– Почему вы так долго ждали, прежде чем сказать нам об этом? – Мэнди была несколько раздражена.

– Отсчет идет уже давно, но распознать его и представить в известной и понятной нам форме времени мы смогли лишь два дня назад. Точнее сказать, группа, занимающаяся этим вопросом. – Все молча переглянулись.

– Всю конструкцию сделали люди, и каждый используемый материал известен нам, и любая функция имеет ясное определение. Как можно не знать, откуда идет отсчет? – Франклин поднялся со стула.

– Парадоксально, правда. Мы смогли построить это, чуть ли не истощив свои запасы, один в один, сантиметр в сантиметр по чертежам. Ради ответов на вопросы и спасения, а пока имеем лишь большие загадки. – Константин был непробиваем, самообладание и утонченность.

– Тут есть три варианта, – начал он, и сразу Мэнди пере-

била его, предложив первый вариант:

– Он был с самого начала зашит в принцип проектировки тоннеля.

– Верно, и стоит сложить мозаику, как она сама определит время своего существования. Также он может быть запущен вручную, но точно не людьми.

– За нами могут следить, и как только сооружение закончено, удаленно включают таймер, дабы мы не пропустили нужный момент, – Норманн также подключился.

Константин сразу перевел на него довольный взгляд, словно наслаждаясь командной работой, и добавил:

– Немыслимый вариант, правда?

– Я знаю, какой вариант три, и уверен, вы его рассматриваете в большей степени, – начал Томас, и все сразу обратили на него внимание. – Тоннель имеет контрольный маяк, который мы все видели в чертежах, и будет очень логично использовать его как сигнал к пуску. Приемный тоннель получает сигнал и дает отсчет готовности. И, уверен, это случилось раньше, чем все думают, надо же знать чередование появлений препятствий на пути, все это записывалось и в конечном итоге предстало в виде отсчета до нужного времени, чтобы капсула совершила свой путь. Возможно, они уже знают о нас все что им нужно. – Томас был уверен в этом варианте, и теперь некоторые вопросы нашли свои ответы.

– Рад, что вы оправдываете свой интеллект. Только ничего, кроме точного отсчета до свободного пути, этот кон-

трольный маяк не дал, и смею озвучить то, что, уверен, некоторые уже поняли. – Константин взглянул на Томаса.

– Мы здесь не для этого, – обратился Томас к команде. Константин сделал шаг ко всем, сравнившись с Томасом.

– Ваша задача ныне – не строить теории, не создавать цепи развития. Вы все должны подготовиться, ведь, стоит таймеру сойти на ноль, вы будете уже не в этой галактике.

Они были уверены в том, что не просто так здесь, и причина была не в хвастовстве уровнем знаний. Но вряд ли кто-либо смог дать точный ответ, желали они услышать последние слова или боялись.

– Я так полагаю, у вас уже все готово для нас? – поинтересовалась Мэнди.

– Да. Все вы являетесь учеными, не военными. Ваша задача – попасть туда, понять, как все устроено, и найти общий язык с тамошними обитателями. Как те, кто питает свою жизнь наукой, а не войной, лучше кандидатов нет. – Константин сделал небольшую паузу, оглядев каждого. – Прошу за мной. – С этими словами он направился налево, в открытую дверь.

9

Что будет дальше, Томас знает, просмотрев протоколы действий на нынешний случай много раз. Через длинный коридор они вошли в большой лифт. Он отвез их на много уровней вниз – туда, где они проведут последние часы в данной Солнечной системе. Сразу выйдя из лифта, Константин

объяснил, что связь с внешним миром закрыта для всех и каждый должен понимать, как важно дать людям информацию в полной ее подлинности, с наличием фактов, а не догадки и предположения. Томас давно понимал это, они – разведка с дипломатической миссией, и в случае успеха их будут помнить века, но в случае провала никто не узнает об их жертве. Константин провел всех мимо большого зала управления, откуда десятки специалистов вели контроль над тоннелем и подготовкой к отлету. Сейчас никто на них не обратил внимания: погруженные в работу, все были в движении. Одиночек же впереди ждало обучение. Каждый погружался в свою среду профессии, детально изучая достижения технологий, которые им придется использовать для полного изучения того, куда они попадут. Теперь это уже не простая прогулка на адреналине в неизвестность, как казалось ранее: ныне со всеми мелочами и сложностями это проявляется более чем высокая ответственность и моральный груз. Все оборудование и приборы делали несложную работу и управлялись с одной руки, гораздо важнее и, собственно, сложнее было обслуживание, где в случае конечной неисправности имелись способы создания не только ремонтных частей, но и альтернативы из подручных средств.

Константин вызвал всех в общий зал, где для каждого уже были подготовлены набор одежды и готовый скафандр, усовершенствованные специально для них. Поверх тела идет белый утолщенный комбинезон, оснащенный аудио– и видео-

записью. Эти технические улучшения словно усеивают весь костюм и, благодаря очень маленьким размерам, позволяют предотвратить поломку или помеху для движений. Костюмы помечены номерами и именами. Капсула оснащена запасными костюмами и скафандрами.

Осталось три часа, после чего всех погрузят в капсулу и отправят к старту. Один час отдыха напоследок все в том же зале Франклин решил поспать на диване, во всяком случае, попытается, хоть и знает, что впереди ждет карбонитный сон. Томас стоит у смотрового окна, разглядывая каждый сантиметр тоннеля, пытаюсь вспомнить то чувство и понимание, что тоннель еще не работает, а те мелкие корабли усердно занимаются стройкой, а не симулируют усердие, создавая сложную деятельность. Но все попытки представить это были провалены. Мэнди незаметно встала справа от него.

– Не жалко тратить время, взирая на это?

– А тебе? – не сразу ответил Томас.

– А что еще делать, последние часы мы готовились к шагу в неизвестность, где никто не отрицает вероятность смертельного исхода. Ожидание здесь – это худшее, что нам могли предоставить, лучше бы нас уже заморозили. – Доля расстройства или обиды, но Томас не стал обращать внимание – не те условия.

– Что делает Норманн?

– Проявлял попытки эмоциональной близости, сейчас читает очередную книгу.

– Будет глупостью утверждать, что между вами нет взаимной симпатии, и отсюда следует закономерный вопрос, особенно учитывая нынешнее наше положение. – Томас посмотрел на нее в ожидании ответа.

– Симпатия есть, но нет будущего. Мы не зря зовемся Одиночками: как только наши врожденные способности проявились, каждый был воспитан и обучен без обязательной привязанности, без учета дальнейшей любви и без понятия семьи в личной жизни, и все это для программирования на работу. Да, он мне нравится, но лучше я умру одна, нежели с чувством тоски и скорби. И тем более не хочу оставлять его одного, если мне не выпадет шанс выжить. Смерть из-за этого слишком страшна, не говоря уже о высоких, слишком высоких ставках. Все это не стоит цены любви.

Она не смотрела на Томаса, но он смотрел на нее.

– А что если у нас все получится и будут реальный шанс и место для создания семьи? Ты думала об этом – или гораздо проще, по-твоему, думать сразу о худшем, дабы избежать болезненного разочарования? – Он повернулся к тоннелю.

– Вся наша жизнь строилась на предположениях и строится по сию минуту. Пока не будет железного факта, ни о чем подобном даже думать не хочу. Ну, не считая этого разговора.

Она ушла в отдельную комнату, оставив Томаса с маленьким семечком сомнения, что его команда может слишком прямо и однозначно понимать законы логики. И, спрашивая

себя, что в этом плохого, он понимает, что ничего.

– Время пришло, – сказал Константин сразу, как пришел.

Никто ничего не ответил – все просто пошли за ним сквозь прозрачный коридор, в последний раз наблюдая за людьми, которые также готовились к этому событию, также провожали их взглядом. Через лифт, приведший их сюда, они поднялись на несколько уровней выше.

Томас сотни раз видел проекцию капсулы, что больше похожа на саркофаг, нежели на корабль. Вид ее впервые не вызвал никаких восторженных эмоций с помесью любопытства. Двадцать метров в длину, конусообразная, идеально обтекаемая форма, задняя часть для хранения экипажа, диаметр 30 метров, вся поверхность слегка отражает происходящее вокруг. В конце квадратный вход и идущий через всю капсулу коридор. В начале – квадратные криокамеры, по две с каждой стороны. Потом спальные места, после – склад для хранения оборудования и еды, далее – камера для скафандров, и заканчивается все обзорным залом. Обзор круговой, искусственной гравитации нет. Острый наконечник придает вид огромной пули.

– Автоматическая система разморозит вас по прибытии. Это проверено, она работает, да и для вас это не впервые. Вы все проходили учения. Капсула полностью снаряжена, единственное, чего там нет, – это вас! – Константин стоит у входа и, закончив, дал понять, что стоит делать остальным.

– Пора, – сказал Томас, и все по очереди вошли вовнутрь.

Каждый понимал, что не будет почестей и всеобщего оглашения этого события. Они четверо – первые, кто вступит в контакт с внеземной разумной жизнью, и никто про это не узнает. Вход с шумом закрылся, капсула плавно вышла через шлюзовой вход, за пределы «Неона».

Не спеша они прошли в смотровую часть, наблюдая, как капсула приближается к тоннелю, к первому большому кольцу, откуда после включения пройдет старт. Они не военные, и это не военная операция, и если вычесть любую первородную агрессию, что может их ожидать, то шансы на успех очень велики. Но Томас не ставил на конечный успех: если они сумеют переместиться целыми и невредимыми, смогут увидеть то, что их ждет, – это уже будет успех. Раньше такого не происходило, исход неизвестен, какими бы точными ни были расчеты.

Капсула плавно перемещалась к нужной отметке для старта. Все уже повисли в невесомости, и голос Константина нарушил тишину:

– Пора, через семнадцать минут тоннель сможет отправить вас, располагайтесь в камерах.

Эти слова казались последними в их жизни. Каждый расположился посередине своей камеры. Томас знает, что для них этот полет займет секунды, весь путь они будут заморожены щедро подаренной пришельцами технологией, и это безумно упрощает задачу. Но как бы он хотел увидеть те звезды, те миры, мимо которых пройдет их путь! Признава-

ьясь себе, он готов был потратить годы жизни, отказавшись от камеры, ради этих видов. Но скорость не позволит выжить, и, когда все произойдет, придется поверить на слово, что они пролетели немислимый путь.

– Все системы проверены и работают. Вы те, кто представит человечество, от вас зависит наше выживание. Я бы пожелал вам удачи, но боюсь, что там, куда вы отправляетесь, не может быть такого понятия.

С этими словами капсула вышла на прямую линию, члены экипажа погрузились в криосон, и через секунду тоннель начал испускать как электрические, так и магнитные волны. Кольца стали вращаться каждое в свою сторону через одно. И, начиная раскручиваться, капсула мгновенно отправляется вдаль, словно исчезнув с места.

10

Константин сидит на простом стуле у огромного окна, открывающего вид великолепной бесконечности. Держа в руках книгу, он спокоен и рассудителен, как никогда, взирает на звезды. Каждый день на протяжении последних двадцати лет он проверяет все частоты связи и каждый возможный сигнал в надежде найти не просто новую ветку жизни. Он постарел, и не будь дополнительных устройств, что позволяют ему поддерживать жизнь, на его месте была бы сейчас пустота. Все, ради чего он жил последние десятилетия, – это задание Одиночек. Главное для него – шанс на связь или простая открытка от тех, кто отправился через тоннель. Сегодня

тот самый день, когда второй раз за историю человечества пришло сообщение из глубин космоса. И если это не иные существа, значит, Одиночки пережили путешествие.

Зная алгоритм расшифровки и неплохой прогресс за долгие годы, он потратил на это чуть меньше часа. И вот, не веря в происходящее, Константин ждет, молча, неподвижно, когда запустится аудиозапись, дающая понять, что произошло или чего не произошло:

– Говорит Томас, глава группы «Одиночки». Мы прилетели. Все функции капсулы и биологическое состояние команды были более чем в порядке. После кратковременного восстановления от криоаморозки и психологического привыкания через смотровую часть нам открылся вид того мира, на который поставили все, что есть. Но перед этим мы увидели тоннель, по общей концепции напоминающий версию человечества: ее отличали неизвестный материал и совершенно иной принцип конструкции. И лишь через некоторое время мы увидели Солнечную систему, которая скрывалась, как и все звезды, за огромным металлическим саркофагом, что полностью скрывал тоннель для защиты от повреждений или от гостей, – это неизвестно. Таких тоннелей и саркофагов, расположенных на границе этой системы, были сотни. Огромное Солнце имело два горячих спутника. Шесть планет – и ничего. Нас никто не встретил, никто не прилетел и не связался любым из доступных путей, мы были одни. Саркофаг выпустил нас автоматически, самое сме-

лое предположение: мы не вооружены, и нет смысла нас держать в изоляции. Прошло несколько дней, пока одна из ближайших огромных планет не приблизилась, следуя движению собственной орбиты, и не проявила обратную сторону. Мы заметили огромное сооружение, тянущееся с самой поверхности в открытый космос. Капсула автоматически направилась к неизвестной планете, как это произошло, мы не знаем до сих пор, но на поиски этой загадки всем было уже плевать. Огромное сооружение состоит из сотен, а может, и тысяч отдельных частей, многие из которых выпирают или углубляются вовнутрь. Словно конструктор, постоянно дополняющийся.

Наши сканеры работали каждую секунду, исследуя и записывая все, что открывалось нашим глазам и приборам. Поток информации был огромен, и данные, что приходили каждую секунду, открывали для нас ничто иное, как систематический лабиринт информации, которая не поддается простому описанию. Но все это отошло на второй план, ведь при максимальном приближении нашу капсулу стала притягивать эта конструкция, плавно и без каких-либо угроз – обычная стыковка, действующая, словно уже далеко не первый раз. Мы знали, что угрозы нет, знали, что и мы не угрожаем им, и самое страшное представляло собой лишь отсутствие времени на изучение. Капсула была все ближе и ближе, и через открывшиеся створки верхних блоков этой конструкции, что высилась шпилем с планеты, мы попали внутрь.

Потом мы проснулись за пределами капсулы от анабиоза, в который нас незаметно погрузили. Небольшое помещение, в котором нас изучили, максимально аккуратно. На всех четырех стенах были показаны наши тела во всех биологических проекциях. Полный разбор всей системы тела человека. Голос из ниоткуда начал говорить на нашем языке. Он заверил нас, что опасности не представляет, и если присутствует некоторое неудобство, то просит прощения. Без какого-либо дискомфорта наши знания и память были как-то изучены, что позволило ему обратиться к нам на языке, который мы знаем. Самого незнакомца мы не видели. Он поведал, что сам он уже давно не имеет физического тела и его мозговая деятельность продолжается благодаря технологиям. Его задача здесь – встречать тех, кто пришел издалека. Причина была всегда одна: изучить Вселенную, построить цепь передвижения благодаря мостам. Но они не могут строить их там, где их еще не было. Нет никакого искусственного отбора – лишь идея объединить все возможные жизни и освоить передвижение между галактик. Простота впечатляет, но была проблема. Изучив нас четверых, все наши знания, все наши убеждения и мнения, нам задали вопрос, который мы не ожидали услышать: зачем нам спасение?

Зачем спасение существам, которые уничтожают все, что окружает их, которые делятся на различные социальные уровни и нации? Лишь единая форма жизни способна принести гармонию и рациональное развитие своих способно-

стей без ущерба окружающей среде. У тех существ, что создали тоннели и живут в этой Солнечной системе, нет разделения на нации, нет религиозности, нет вражды друг с другом, поскольку они едины и разумны. Лишь единая форма жизни достойна жизни, а та, что ищет различия и ходит под разными знаменами, – лишь дети, которым нет места в большом мире, пока не будет ими достигнуто всеобщее понимание. Как мы можем существовать среди иных цивилизаций, если сами с собой никогда не могли существовать мирно?

Его длинный монолог закончился. Даже нам не дали шанса остаться, но мы согласились, что это не самое главное: ведь таких тоннелей уже насчитывается больше тысячи, и, раз есть возможность, мы все хотим узнать, есть ли предел бесконечности и как сильно она способна нас удивить. Это последнее сообщение для всего человеческого рода, все труды и силы, отданные ради единственного шанса спастись, были напрасны. Тоннель прекратил работу сразу, как нас отсканировали, – значит, уже давно. Человечество никогда не выйдет на контакт с другими мирами. Самое забавное, что находиться здесь невероятно далеко, я легко согласился с этим. Не каждый смог принять эту судьбу и выбрать этот путь. Я не жалею, и мы не оплакиваем людской род, который неописуемо мал и незначителен на фоне тех горизонтов, куда мы отправимся. Конец связи.